

Глава первая

Лиз взглянула на спящую дочь и подумала, что, будь любви в ее сердце хоть на крупицу, хоть на каплю больше, — и оно просто лопнуло бы, разлетелось на тысячу кусочков.

Рози лежала на боку, ее густые светлые волосы, словно блестящий конский хвост, струились по подушке. Пуховое одеяло она подтянула к самому подбородку, худенького тела видно не было. Лиз посмотрела на темные брызги веснушек на носу у дочки, на ее влажные, чуть приоткрытые губы, прислушалась к ровному дыханию и тихому посапыванию, словно у какого-то некрупного зверька, и вздохнула.

Склонившись над кроватью, она погладила мягкую щеку и прошептала:

— Рози?

Никакого ответа, даже намека.

— Рози, солнышко? — громче повторила она.

Губы девочки дрогнули, а на бледном лбу меж бровей наметилась складка. Лиз захотелось разгладить ее пальцем, на цыпочках прокрасться вон из комнаты и тихо прикрыть за собой дверь. Но нет, нельзя.

— Пора вставать, — твердо проговорила она, готовясь к неизбежной лавине возражений.

Раскрывать шторы без толку, на улице по-прежнему темно, однако Лиз все равно отдернула их в надежде, что противный скрежет металлических колец о железный карниз вместо нее нарушит сон Рози.

— Солнышко, давай-ка поторапливайся, — сказала она с напускной веселостью, — уже одеваться пора.

Рози тяжело вздохнула — звук получился каким-то пустым, словно из пещеры.

— Нет, я же только что легла. Разве уже утро?

Ну что ж, по крайней мере, она проснулась.

— К сожалению, да.

Лиз щелкнула выключателем настольной лампы, стоявшей возле кровати, и сама зажмурилась от залившего комнату безжалостного света.

— Не надо! — пробурчала Рози, но мать сдернула с нее розовое цветастое одеяло, стараясь не смотреть на худенькое, дрожащее тело, съжившееся на белой простыне. Инстинкты наперебой приказывали ей накрыть девочку, укутать ее, как младенца, и поплотнее подоткнуть края.

— Пойду приготовлю завтрак. Через двадцать минут выходим.

Из спальни, расположенной по другую сторону тесного коридора, до Лиз доносилось бормотание Рози. Девочка принялась надевать школьную форму, которую накануне вечером аккуратно сложила на стуле возле письменного стола. Стены в их старом рыбацком доме были толстыми, и слов не разобрать, однако Лиз догадывалась, о чем бормочет дочь: «И зачем мне к Джин? Я уже взрослая и сама прекрасно справлюсь».

Достав из соснового буфета возле раковины коробку с хлопьями, Лиз поставила ее на белый пластиковый стол. Рядом положила ложку и поставила миску. Есть Рози, конечно, не захочет. Оно и неудивительно — в полшестого утра-то. К тому же у Джин девочка непременно перехватит пару тостов. Но отправлять доч-

ку из дома на голодный желудок ей не хотелось. Как-то это неправильно.

Чайник закипел, Лиз налила себе чаю и заметила на бело-синей чашке небольшой скол, которого — она готова была поклясться — еще вчера не было. Она развернула чашку, чтобы скол оказался с противоположной стороны, и отхлебнула чай.

Чувствуя, как от горячей жидкости по телу разливается приятное тепло, Лиз на миг прикрыла глаза и постаралась вспомнить, не забыла ли чего.

Какой сегодня день недели? Четверг. По четвергам у Розы физкультура, и Лиз уже приготовила ее спортивную сумку, а рядом возле двери поставила рюкзак с учебниками, тетрадями и обедом. Но напоминать дочери о физкультуре до последней минуты не будет.

— Поторопись, — позвала она. Отставив чашку, Лиз насыпала в миску хлопьев, достала из холодильника молоко и взглянула на круглые часы на стене. Уже пять сорок. Под ложечкой засосало. — Я опоздаю!

— Мам, не переживай, не опоздаешь.

На пороге появилась Роза. Она терла глаза, пытаясь прогнать остатки сна. На девочке были белые кроссовки, выглядевшие на ее ногах не по размеру большими, серые брюки, белая блузка, поверх темно-синий пуловер с треугольным вырезом и почти правильно завязанный галстук в сине-серую полоску. Лиз вдруг ощутила прилив благодарности: с галстуком всегда бывало немало возни.

— Очень уж он замороченный, — виновато сказала Роза, перехватив мамин взгляд.

— Знаю, — ответила Лиз и поправила дочери галстук, — но ты отлично справилась, зря я к тебе цепляюсь.

Рози наградила ее смешной щербатой улыбкой и с надеждой спросила:

— А мне обязательно завтракать?

— Обязательно.

Лиз выдвинула белый пластмассовый стул, и девочка плюхнулась на сиденье, слегка ударившись затылком о спинку. Рози небрежно собрала волосы в узел, не заметив выбившейся пряди.

— Давай я тебе косички заплету.

Скоро они, взявшись за руки, шагали вниз по темной узенькой улице, ежась от утреннего холода. В апреле бывает уже по-настоящему тепло, но не в такую рань.

Рози старалась поспевать за мамой, но давалось ей это с трудом.

— Не хочу на физкультуру идти, — тихо проговорила она.

— Знаю.

— Вот бы Кайл не пришел, мне тогда проще было бы.

— Будем надеяться, что он заболит, — попыталась отшутиться Лиз.

— Мам, ты чего! — голосом школьной учительницы одернула ее Рози. — Разве можно так говорить?

Лиз улыбнулась.

— Ну ладно, пусть лишь слегка простудится и останется дома. Так можно?

— Ладно, — рассмеялась Рози, — пусть насморком заболит.

Дом Джин стоял у подножия холма Хамбл-Хилл, как раз там, где дорога сворачивала вправо, к гавани. У каждого дома здесь было свое имя, прямо как у людей, — «Медный», «Ракушечный», «Хатка», «Доли».

«Диннарх» представлял собой одно из немногих современных зданий, и Лиз всегда казалось, будто он ломаным аккордом разбивает стройную гамму террасных домов.

Сложенный из желтоватого камня, рядом со своими белыми и кремовыми соседями он выглядел довольно неуместно, но сам по себе был безупречен: белоснежные тюлевые занавески на окнах, изящная изгородь и палисадник, пестревший крокусами и нарциссами, заботливо высаженными Томом, мужем Джин. Для Розы, бывавшей здесь с трехлетнего возраста, это место стало вторым домом. Лет с десяти она принялась упрямо повторять, что няня ей больше не нужна, что до школы она прекрасно доберется сама и лучше поспит подольше. Но Лиз радостно подметила, что даже несмотря на это, девочка вприпрыжку подбежала к двери дома и нажала кнопку. Звонок откликнулся мелодией песенки «Апельсины и лимоны». Девочке Джин и правда нравилась — как добрая тетушка или вторая мама.

На пороге появилась улыбчивая полная женщина с заспанными глазами, одетая в желто-синий стеганный халат в цветочек.

— Доброе утро, цыпленочек! Проходи!

Каждое утро — одни и те же слова. Это стало традицией, менять которую было нельзя.

Розы перепрыгнула через порог в объятия Джин, почти исчезнув в складках ее длинного, в пол, одеяния.

Лиз взглянула на часы. Тютелька в тютельку, как обычно.

— Заберу тебя в три двадцать, — сказала она, и Розы, отлепившись от Джин, встала на цыпочки и поцеловала мать в щеку.